

Выйдя из допросной, Су Мин чувствовал необычайную легкость и прилив сил. Великий Командир ошеломленно взирал на творящийся вокруг хаос, испуганно шмыгая носом, и молча отдавал приказы своим людям убирать последствия «беседы».

С тех пор как Су Мин стал Маршалом, он редко снисходил до личных допросов. А если и брался за дело, то только когда перед ним оказывался самый отъявленный и закоренелый мерзавец. Подчиненные прекрасно знали методы своего господина: он был способен довести человека до того состояния, когда от него оставался лишь один едва теплящийся вздох, но при этом никогда не переступал черту, за которой наступала смерть.

Самый крепкий орешек, самый молчаливый свидетель — под натиском Су Мина любой начинал говорить. Его зловещая слава, от которой кровь стыла в жилах, не была плодом чьего-то воображения; он выковывал её годами, шаг за шагом. И если преступники дрожали перед ним, как зайцы перед орлом, то что уж говорить о подчиненных? Они боялись его не меньше, если не больше.

Впрочем, Великий Командир не испытывал к задержанным ни капли жалости. Веками люди и русалки сосуществовали в мире, и в сознании любого разумного существа они были равны. Охотиться на русалку — всё равно что охотиться на человека. За такое злодеяние и сотни смертей было бы мало.

В огромной умывальной царила гулкая пустота. Лишь подрагивающий тусклый свет ламп озарял фигуру мужчины, застывшего перед раковиной. Су Мин открыл кран, позволяя потоку воды смыть багровую кровь с длинных, тонких пальцев. Несмотря на то что его руки были обагрены, на одежде не осталось ни единого пятнышка — казалось, он не пытал преступников, а лишь стряхнул с себя случайную грязь.

Когда вода стала прозрачной, Маршал взял мыло и принялся тщательно оттирать каждую фалангу, каждый миллиметр кожи. Он повторил эту процедуру раз пять, прежде чем счел себя окончательно чистым. Су Мин стряхнул капли воды, даже не потянувшись к полотенцу, позволяя прохладному воздуху осушить кожу.

Он обожал чистоту и ненавидел любой беспорядок. Его брезгливость была притчей во языцех: как говаривал повар в поместье Маршала, господин никогда не станет есть из одной тарелки с кем-то другим.

Единственным исключением был его «маленький русал».

Влага быстро испарилась с пальцев, и стоило Маршалу вспомнить о Сан Цзюци, как в его душе вновь зашевелилось нечто подавленное, рвущееся наружу. В памяти всплыли розовеющие щеки Цзюци, его влажные глаза, манящие губы и изящные ключицы... Каждая черта этого существа была словно негласным приглашением.

«Что он сейчас делает? — подумал Су Мин. — Проснулся ли?»

Сердце воина пропустило удар. Он достал из-за пазухи ту самую маленькую книжицу и уже собирался открыть её, как вдруг замер, уставившись на обложку. Золотое тиснение изменилось. Раньше там красовалось: «Принц против Принца [Высокий рейтинг Н для русалок]», но теперь название гласило: «Маршал X Принц [Высокий рейтинг Н для русалок]».

Если под «Принцами» раньше подразумевались Наследный принц и Пятый принц русалок, то неужели теперь «Маршал и Принц» — это он сам и Сан Цзюци?

Су Мин медленно перевернул первую страницу. На некогда пустом титульном листе появились строки:

[Предисловие Главного Бога:]

[Линия Наследного принца и синей морской русалки полностью разрушена. Этот Главный Бог окончательно утратил к ним интерес.]

[Зато динамика между Маршалом и Третьим принцем весьма многообещающая — весь текст идет под снос, переписываю заново!]

[Аннотация:]

[Су Мин — холодный, властный и до невозможного педантичный Маршал Империи. Под маской жестокого тирана скрывается невинное сердце нецелованного юноши.]

[Сан Цзюци — добрый и понимающий Третий принц народа русалок, ставший единственным средоточием любви и нежности этого грозного воина.]

[Один — неутомимый и властный, другой — чувствительный и хрупкий. Какое пламя вспыхнет между ними?]

[Лишь для взрослых: безумный, дикий и властный герой против прекрасного и нежного русала. 1v1, взаимные чувства, без драмы, сладкая любовь и горячий рейтинг Н].

В реальности Су Мин лишь безмолвно застыл. Означало ли это, что они с Цзюци попросту вышвырнули прежних «главных героев» и заняли их места?

Его пальцы, подрагивая, перевернули страницу. Он обнаружил, что они действительно стали центром повествования: книга в деталях описывала всё — от их первой встречи до настоящего момента. Прежние фавориты — Наследный принц и Лань'эр — превратились в безликий фон, появляясь лишь изредка, чтобы подтолкнуть сюжет. Теперь они были не более чем

инструментами.

Су Мин, который сам когда-то был лишь «инструментом», невольно ощутил странное, почти запретное удовлетворение. История о том, как «Великий Демон» и его «маленькая супруга» свергают главных героев и воцаряются на их месте... Что ж, он был совсем не против повторить это снова.

Он продолжал листать. Все прежние сцены близости между другими персонажами были стерты, уступив место событиям вчерашнего вечера. Книга в пышных и порой чрезмерно эмоциональных выражениях описывала, как Маршал, подобно несокрушимой скале, в одиночку сокрушил аукцион, а затем подробно расписывала их страстные мгновения в стенах того самого запретного подземелья. В тексте даже упоминалось появление Великого Командира, прервавшего их на самом интересном месте.

Далее шло описание допроса. Но на этом книга не заканчивалась — впереди оставалось еще девять десятых объема. Мужчина наугад открыл страницу в конце и почувствовал, как кровь приливает к лицу.

Содержание было таким, от которого пульс учащался, а в висках начинало стучать. Разнообразные игры, использование реквизита... И главными героями в каждом абзаце были он и Сан Цзюци. Там описывалось их «долгое и счастливое» будущее после завершения великой войны.

Су Мин покраснел до самых корней волос. В этот момент послышались шаги — это Великий Командир и адъютант, переговариваясь, вошли в умывальную. Увидев Маршала, они мгновенно замолчали, и улыбки сползли с их лиц.

— Маршал, — в один голос произнесли они.

Су Мин одарил их коротким, рассеянным взглядом и снова уткнулся в книжицу. Офицеры переглянулись.

«Что делает Маршал?» — читалось в глазах адъютанта.

«Так сосредоточен... Наверняка изучает важные военные донесения», — безмолвно ответил Командир.

«Но почему он так покраснел?»

«Это просто свет так падает. Маршал не умеет краснеть».

«Твоя правда».

Маршал, не меняясь в лице, вышел из умывальной, продолжая на ходу изучать текст. Подчиненные то и дело приветствовали его в коридорах, и он отвечал им короткими кивками, не отрываясь от чтения. Видя его предельную концентрацию, все были уверены: господин решает сложнейшую государственную задачу. Никому и в голову не могло прийти, что он с упоением читает эротический роман о самом себе.

«Тебе стоит подучиться», — внезапно всплыли в памяти слова Цзюци.

Лицо Су Мина снова обдало жаром, но взгляд стал еще суровее. Значит, под «учебой» подразумевалось именно это? Вспоминая вчерашние прикосновения к нежной, словно пудинг, коже Цзюци, он до боли жалел, что они не дошли до конца.

Мужчина начал детально изучать каждый сценарий, описанный в книге. Его лицо оставалось маской строгости, но внутренние мысли были полны открытий.

«Оказывается, можно и так!..»

«Так вот для чего нужен этот предмет?!»

«И это тоже не возбраняется?!»

«Неужели такая поза физически возможна?!»

«А если нас заметят в этом месте?!»

Воображение рисовало картины одну за другой, превращая текст в энциклопедию чувственных наслаждений. Страницы мелькали под пальцами, и руки Маршала начали заметно дрожать. Наконец он вошел в свой кабинет и с грохотом захлопнул дверь, отсекая себя от внешнего мира.

Солдаты в коридоре в замешательстве переглянулись.

— Маршал был так разгневан, что у него даже лицо покраснело и руки тряслись. Что же он там прочитал?

— Никогда не видел его в такой ярости!

— И я! Ужас... Сегодня нужно быть тише воды, ниже травы, чтобы не попасть под горячую руку.

В кабинете Су Мин глубоко вздохнул и вернулся к страницам, описывающим события после

вчерашнего дня. Там было пусто, за исключением нескольких строк:

[Главный Бог хочет сказать:]

[Обращаюсь к вам двоим — мне плевать на сюжет в середине, но не могли бы вы, когда придет время финала, хоть раз последовать моему сценарию?!]

[Разве я недостаточно надежный и быстрый водитель для этого эротического заезда?!]

Су Мин коротко усмехнулся. Он снял тяжелый маршалский плащ, оставаясь в мундире, и одной рукой удерживая книгу, начал другой расстегивать пояс. Поскольку пряжка была тугой, ему пришлось зажать зубами плечевой ремень, продолжая изучать текст.

Стоило ему расстегнуть пояс, как на пустых доселе страницах начали проступать слова:

[Снаружи сиял яркий день, но в мыслях Су Мина неотступно стоял образ маленького русала. Внезапно он почувствовал невыносимый жар и решил, что если хочешь сделать что-то хорошо — сделай это сам.]

[Одержимый этой мыслью, Маршал принялся срывать с себя мешающую одежду. Одной рукой он вцепился в пояс, а зубами придерживал плечевой ремень, и вид его был полон дикого, порочного искушения.]

В реальности Су Мин застыл.

«Порочного искушения?» — мелькнуло в голове. Разве его действия выглядели так?

Его лицо пылало, но отступить было некуда. Он просто хотел немного ослабить тугую одежду после бессонной ночи в подземельях, но в книге это превратилось в... это?

Яркое солнце, пробивавшееся сквозь окна, начало слепить глаза. Мужчина прищурился, подошел к окну и плотно задернул шторы. Текст в книге мгновенно обновился:

[Су Мин всё же оставался притворщиком, до смерти боясь, что кто-то узнает о его тайных наклонностях. Он осторожно задернул шторы, отсекая любую возможность случайного взгляда.]

Маршал замер. Кажется, он нащупал некую закономерность. Когда он только получил эту книгу, в ней был прописан готовый сценарий, судьба, не подлежащая обжалованию. Но теперь страницы заполнялись в ответ на его действия. Книга пыталась логически обосновать его поступки в рамках своего жанра, но эта логика... она была в высшей степени непристойной.

Чтобы проверить свою теорию, он снова резко распахнул шторы и взглянул на страницу. Тут же появились новые строки:

[Но у этого притворщика была своя странная страсть: ему нравилось возбуждающее чувство риска быть увиденным, и потому он вновь открыл шторы.]

Су Мин со стоическим спокойствием задернул их обратно. Книга «промолчала» пару секунд, прежде чем выдать:

[Однако Су Мин был слишком щепетилен. Несмотря на свои странные фантазии, он боялся уронить достоинство и в конце концов окончательно закрыл шторы.]

Маршал вошел во вкус и снова распахнул их. На этот раз пауза была долгой. Минуты через две на странице появилась одна-единственная фраза:

[Разумеется, всё это — личное дело Су Мина, так оставим же его наедине с этими мгновениями.]

[Главный Бог хочет сказать: почему мне кажется, что Су Мин издевается надо мной? Неужели он почувствовал мое присутствие? Да нет, это невозможно.]

В реальности Су Мин всё-таки задернул шторы и устало опустился на диван, элегантно скрестив длинные ноги. Он спрятал лицо в ладонях. Там, где никто не мог его видеть, губ Маршала коснулась та самая «дружелюбная» усмешка, которая обычно была присуща лишь злодеям.

Когда эта книжица впервые попала к нему, он узнал свою судьбу. Будущее еще не наступило, но путь к нему был уже размечен. Он пытался сопротивляться втайне. Но, к его изумлению, как бы он ни старался, события всё равно катились по заданным рельсам. Он чувствовал себя марионеткой на сцене, чьими конечностями двигала невидимая рука, ведя к неминуемой гибели.

Он не был знатного происхождения. Выходец из трущоб, он сам, своими руками, сотворил легенду о Маршале. Он никогда не верил в судьбу, признавая лишь силу и волю. Но перед предначертанным финалом он оказался бессилён. Тогда эта книга едва не сломила его веру в себя. Чувство безысходности было таким острым, что хотелось мечом разрубить нити рока, но тот лишь крепче опутывал его своей паутиной.

Невозможно сбежать, невозможно вырваться — оставалось только подчиниться. Это чувство подконтрольности было невыносимым. Но когда он уже был готов смириться, всё изменилось.

В какой именно момент сюжет сошел с рельсов? Су Мин тщательно проанализировал прошлое и нашел тот самый момент. Он невольно улыбнулся. Всё начало меняться с той ночи, когда

«маленькая русалка» назвала его «старым развратником».

С того мига реальность понеслась вскачь, словно дикая лошадь, которую не удержать и десятком быков. И теперь книга была чиста — старый сценарий стерт. Они с Цзюци превратились из жертвенных агнцев в главных героев. Этот «Главный Бог» больше не владел их судьбами; он мог лишь записывать их поступки, пытаясь подстроить их под свои фантазии.

Отныне они больше не куклы. Они разорвали путы, и будущее снова принадлежало им. Ощущение того, что он водит Главного Бога за нос, было невероятно приятным. Мужчина обожал вызовы и неизвестность. И он знал: этот триумф — целиком и полностью заслуга его Цзюци.

При мысли о нем Маршал улыбнулся еще шире. Интересно, чем занят этот сорванец?

Су Мин снова открыл книгу, надеясь увидеть «обновления» по части Цзюци. За это время он понял, что существо, зовущее себя «Главным Богом», — натура весьма ветреная и склонная к эротизации любого жеста, так что верить всему написанному не стоило. Но его тест со шторами показал: хотя мотивы могут быть искажены, сами действия Главный Бог изменить не в силах. А этого было достаточно. Нужно просто отсекал внутренние монологи и смотреть на факты.

Случайно перелистнув лишнюю страницу, Маршал снова наткнулся на подробные описания будущего «блаженства». Он негромко откашлялся. Хотя ему не нравилось быть под прицелом Главного Бога, «подарки», которыми тот снабжал книгу, были весьма... любопытными.

До конца пятидневного срока оставалось три дня. Он не мог бросить дела и вернуться к Цзюци, поэтому книга оставалась единственным способом связи. Мужчина вернулся к началу пустых страниц. Видимо, Главный Бог, устав от его капризов со шторами, переключился на «трансляцию» событий вокруг Сан Цзюци.

На светло-желтой бумаге, словно рябь на воде, начали проступать строки:

[Узнав на аукционе о своем предназначении — стать легендарным Королем Русалок, — маленькая русалка ощутила тяжкое бремя ответственности.]

[Проведя бессонную ночь, он теперь лениво нежится в морской воде, позволяя семицветному сиянию окутывать свое тело. В его руке перо, а на каменном выступе лежит лист бумаги.]

[Он намерен спланировать будущее своего народа, повести русалок против предательства людей к великому рассвету! Он — благороднейший из королей, и наступит день, когда он вернется в океан, чтобы принять поклонение всех сущих.]

Су Мин на мгновение опешил. Когда дело касалось Цзюци, книга вдруг становилась на

удивление серьезной. В голову пришла нелепая мысль.

«Неужели я и впрямь кажусь ему таким... порочным?» — он прикрыл лицо ладонью.

Он продолжил читать. В легендах русалок говорилось, что через тысячу лет явится Семицветная русалка, которая принесет своему народу истинную свободу. Раз Сан Цзюци — такая русалка, значит, он и есть тот самый правитель? Но король должен жить со своим народом, в океане...

Мысль о том, что Цзюци может покинуть его и уйти в морские пучины, отозвалась в сердце мужчины острой, необъяснимой болью. Тьма словно начала сгущаться вокруг него. Он снова посмотрел в книгу:

[Маленькая русалка в воде — истинный властелин стихии, он управляет волнами одним желанием. Несмотря на то что он погружен в воду, рука с пером остается сухой, как и бумага на камне. Прижав перо к подбородку, он на секунду задумался и вывел первую строку.]

[1. Убить богов — покончить с Принцессой русалок и Королем людей.]

За этой фразой последовали другие пункты:

[2. Привести народ русалок к истинной свободе.]

[3. Уничтожить контроль над душами.]

[4. Переспать с Су Мином.]

[5. Заниматься любовью с Су Мином в каждом уголке Империи.]

[6. Заниматься любовью с Су Мином во всех морях и океанах.]

[7. Опробовать с Су Мином все возможные сценарии.]

[8. Хочу, чтобы Су Мин довел меня до дрожи в ресницах и потока слез.]

Эти строки появлялись одна за другой, следуя за реальными движениями Цзюци. Су Мин сначала читал с благоговением — первые пункты были полны величия и самоотверженности, заставляя его невольно выпрямиться. Но начиная с четвертого пункта, содержание резко сменило курс.

Глядя на растущий список желаний своего «маленького русала», он почувствовал, как кое-что

в его теле начинает бесконтрольно отзываться. Даже просто читая эти строки, он легко мог представить, что именно сейчас роится в голове Цзюци.

А последняя фраза...

Су Мин не выдержал и, издав глухой стон, спрятал лицо в ладонях. Он поспешно отбросил книгу на журнальный столик и стремительным шагом направился в ванную. На ходу он срывал с себя одежду, и к моменту, когда он включил ледяной душ, на нем осталась лишь тонкая белая рубашка.

Он расстегнул пуговицы, позволяя потокам воды обрушиться на голову, надеясь утихомирить пожар в душе. Но в мыслях бушевал настоящий ураган.

Вода. Повсюду вода.

Вчера на теле Цзюци тоже была вода.

Струи воды, словно живые, стекали по шее, скользили по рельефу мышц пресса и устремлялись ниже. Несмотря на холод, прикосновение воды лишь распалило внутренний жар Маршала.

Ощущая изменения в своем теле, он тяжело вздохнул и, признав поражение, уперся рукой в стену. Через полчаса он вышел из ванной в халате, выглядя несколько подавленным. Он бессильно растянулся на диване, впиваясь пальцами в обивку. Ему хотелось домой. Никогда еще он не испытывал столь жгучего желания вернуться.

Дом. Раньше поместье Маршала было для него просто местом отдыха, тихой гаванью. Из-за постоянной занятости он редко там бывал, проводя почти всё время в штабе. Но теперь, когда там был Цзюци, это место превратилось в уютное гнездо. Работа, которой он раньше отдавал все силы, внезапно отошла на второй план. Он готов был бросить все дела прямо сейчас, чтобы просто увидеть Цзюци, услышать его голос, коснуться руки или губ.

Он свернулся калачиком на диване, чувствуя себя совершенно разбитым, а в голове неотступно стоял образ маленького русала. И он совсем не хотел, чтобы этот образ исчезал.

В этот момент в дверь постучали. Су Мин, недовольный тем, что его прервали, резко спросил:

— Кто там?

За дверью наступила тишина, а затем послышался нежный, певучий голос с той самой неповторимой русалочьей хрипотцой:

— Это я. Кажется, я не вовремя?

Маршал мгновенно вскочил с дивана и в три шага оказался у двери. Он так торопился, что полы его халата взметнулись, а сам он едва не споткнулся о брошенный мундир. Недолго думая, он ногой отшвырнул дорожную одежду в сторону и распахнул дверь.

Лицо, которое он только что видел лишь в своем воображении и на страницах книги, было прямо перед ним. Мягкие, словно морские травы, черные волосы, розовеющие щеки, влажные губы и стройное тело. Аура Маршала, до этого тяжелая и мрачная, мгновенно преобразилась. Гнев и тоска улетучились, оставив лишь трепетное ожидание.

Сан Цзюци стоял на пороге, чуть вскинув изящный подбородок, и смотрел на мужчину с лукавой улыбкой в синих глазах. Он приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но Су Мин, не давая ему вставить ни слова, втащил его внутри и с силой захлопнул дверь.

В следующее мгновение Цзюци оказался зажат между крепкими руками Маршала и дверным косяком. Он посмотрел на влажные волосы мужчины — капли воды срывались с кончиков прядей и падали на рельефные ключицы. Не останавливаясь, они скользили ниже, по открытой груди, скрываясь за тканью халата.

Тело Маршала, еще не обсохшее после душа, казалось глянцевым в свете ламп. Его тяжелое дыхание и горячий взгляд выдавали крайнюю степень возбуждения. В окружении мощных феромонов мужчины дыхание Цзюци тоже участилось. Он невольно завороченно уставился на дергающийся кадык Су Мина и сглотнул.

«Критическая опасность! — забила тревогу F001. — Берегите жизнь, держитесь подальше от Су Мина! Хозяин, немедленно уйдите, иначе последствия будут необратимыми!»

Шум в голове, поднятый системой, заставил Цзюци немного прийти в себя. Взгляд его из затуманенного снова стал ясным. Как бы ни был соблазнителен Маршал, лучше приберечь аппетит на потом. Пробовать, но не иметь возможности проглотить — это не наслаждение, а пытка.

Без мундира Су Мин казался диким зверем, сорвавшимся с цепи. Неистовым и безумным. Цзюци скользнул взглядом по его мускулам — в одежде он казался просто стройным и высоким, ну, чуть шире в плечах, чем сам юноша. Но без одежды его фигура была безупречной. Цзюци даже ощутил укол легкой зависти, разглядывая крепкие, налитые силой мышцы.

Кожа мужчины была светлой, но под ней чувствовалась стальная мощь. Каждая мышца была на своем месте, без излишней тяжести, но с идеальным рельефом. Юноша снова почувствовал, как туманится рассудок; напряженные руки Маршала, упирающиеся в стену, очерчивали великолепные линии. Он не удержался и коснулся ладонью его груди.

Над головой раздался хриплый, сдавленный голос:

— Доволен ли ты увиденным?

Цзюци, ведомый инстинктами, заторможенно кивнул. Очень доволен! Его избранник — само совершенство! Истинный «маленький тиран» в спальне!

Когда тревожный сигнал в голове стал почти невыносимым, Цзюци окончательно очнулся. Он поднял взгляд и утонул в темном омуте глаз Су Мина. В них бушевал настоящий шторм желаний, который Маршал больше не пытался скрывать. Его обычно холодное лицо теперь украшала хищная, безумная улыбка, обещавшая, что Сан Цзюци будет «съеден» прямо сейчас.

Юноша сглотнул и отвел взгляд. Весь вечер он провел в поместье, составляя план действий для этого мира, и в итоге все мысли свелись к Су Мину. Если даже бесстрастные боги на небесах сходят с ума от таких чувств, то что говорить о нем. Перо в его руке раз за разом выводило то, что он действительно хотел, и в итоге план превратился в список фантазий. Стоило ему закончить восьмой пункт, как он не выдержал и поспешил к Маршалу.

Но теперь, оказавшись перед ним, он понял, насколько поспешным был этот шаг. Посмотреть — посмотрел. Потрогать — потрогал. А «съесть» нельзя. Мука, да и только.

«Какая досада», — подумал он. В прежних мирах он никогда не чувствовал себя таким обделенным.

Цзюци видел, что Су Мин находится в том же состоянии, если не в худшем. Он опустил взгляд и заметил характерное напряжение.

«Нельзя же вечно это терпеть», — решил он.

Под потрясенным взглядом Маршала Сан Цзюци медленно опустился на колени. Судьба Маршала оказалась во власти теплой и влажной нежности.

Руки мужчины, упирившиеся в дверь, сжались в кулаки. На его лице отразилась сложная гамма чувств — от боли до неземного блаженства. Голос его дрожал от невыносимого напряжения:

— Тебе... не обязательно это делать.

— Я сам этого хочу, — послышался в ответ приглушенный голос.

Через двадцать минут Цзюци поднялся. Не успел он перевести дух, как Су Мин жадно впился в его губы. На языке Маршала остался странный, терпкий привкус — его собственный вкус. Этот

аромат заполнил всю комнату, становясь густым и дурманящим.

За окном, словно вторя их страсти, сгустились тучи. Майская погода переменчива, как капризный ребенок. Только что небо было ясным, а теперь его затянуло свинцовым маревом, прорезаемым вспышками молний. Грянул гром, и через мгновение тяжелые капли дождя забарабанили по земле, превращая сухую пыль в вязкую грязь.

Потоки воды хлестали по стеклу за плотно задернутыми шторами, издавая яростный, стремительный шум.

Прошло немало времени, прежде чем Сан Цзюци, обессиленный, уютно устроился в объятиях Маршала. Су Мин лениво перебирал его густые, мягкие волосы. С каждым движением Су Мина Цзюци отчетливо ощущал исходящий от его пальцев густой аромат вереска.

Несмотря на то что финал еще не наступил, воин чувствовал временное умиротворение. Мрачность покинула его лицо, уступив место бесконечной нежности.

— Почему ты пришел?

Цзюци ответил так, словно это было само собой разумеющееся:

— Соскучился. Ты не возвращался домой, вот я и решил заглянуть.

«Домой?» — это слово из уст Цзюци заставило Су Мина просить. Еще недавно его душа была полна грозных туч, несмотря на солнце за окном. Теперь же, когда снаружи бушевала буря, на сердце у него было легко и радостно. Он крепче обнял своего русала и запечатлел поцелуй на его лбу, вдыхая аромат волос — смесь мяты и нежной сакуры.

Вдыхая этот запах, Маршал тихо проговорил:

— Дела аукциона еще не завершены. Как только я во всем разберусь, мы вернемся.

Цзюци рассеянно отозвался: «М-м...», разглядывая складки на шторах. Казалось, ему всё равно, когда они вернутся. Но когда Су Мин уже подумал, что тот обиделся, юноша добавил:

— Неважно. С сегодняшнего дня я всё равно буду жить здесь.

Мужчина снова напрягся:

— Жить здесь? Но где ты будешь спать?

Цзюци тихо рассмеялся:

— Где позволишь, там и буду.

Су Мин сглотнул, глядя на него сверху вниз. Ресницы русала были длинными и густыми, они подрагивали, скрывая выражение его глаз. Маршал мог судить о его чувствах лишь по изгибу губ. Он осторожно, словно боясь спугнуть мгновение, произнес:

— Это военный объект. Здесь много солдат, а свободных помещений почти нет. Те немногие комнаты, что пустуют, давно обветшали и совсем не пригодны для жизни.

Губы Цзюци сжались в тонкую линию. Маршал снова сглотнул и продолжил:

— Моя комната здесь — самая лучшая. В ней много места, и я прикажу поставить для тебя резервуар. Если ты не против... может быть, поживешь эти пару дней со мной?

Улыбка Цзюци стала шире. Су Мин немного расслабился, но продолжал затаив дыхание ждать ответа. Через несколько секунд послышалось тихое: «Хорошо».

Маршал мысленно возликовал, но внешне остался подчеркнуто серьезным и заботливым:

— Я немедленно распоряжусь, чтобы из поместья привезли все твои вещи и еду. И поваров тоже.

Цзюци покачал головой:

— Не стоит так утруждаться.

— Какой же это труд? — Су Мин крепче прижал его к себе. — Ты — благородный Принц-русал, я не могу допустить, чтобы ты в чем-то нуждался.

— И всё же, это лишнее, — продолжал юноша. — Собираясь сюда, я уже велел всё упаковать. Думаю, твои солдаты уже заносят мои вещи в твою спальню, а провизия уже на кухне.

Рука Маршала, гладившая волосы Цзюци, замерла.

— Значит, — с сомнением в голосе спросил он, — ты еще до прихода сюда решил поселиться у меня?

«Значит, я зря так переживал?»

Цзюци поднял голову, его влажный взгляд с лукавым прищуром встретился с глазами Маршала.

— А как иначе? Ты — мой жених, а вокруг одни грубые воины. Если ты не будешь защищать меня каждую секунду, мне придется жить одному. А вдруг какой-нибудь наглец позарится на мою красоту и решит пробраться ко мне ночью?

У Су Мина перехватило дыхание при мысли о такой возможности. Он тут же упрекнул себя за непредусмотрительность:

— Ты прав. Моя ошибка. Конечно, мы должны быть вместе. Только я смогу тебя защитить.

Цзюци кивнул и еще раз подчеркнул:

— И ты должен быть рядом со мной каждое мгновение. Только так я буду в безопасности.

Маршал нашел этот довод в высшей степени разумным:

— Ты абсолютно прав. С этой секунды мы будем неразлучны.

Сан Цзюци отвел взгляд, скрывая за длинными ресницами торжествующий блеск. Его губы тронула улыбка, и он заметил ту самую книжицу на столе. У юноши были длинные, изящные ноги; устраиваясь на диване, он сбросил обувь, оставшись босиком. Он ловко подцепил книгу пальцами ног и одним движением перебросил её себе в руки.

Су Мин снова не успел среагировать и лишь обреченно сглотнул.

Юноша с улыбкой спросил:

— Ну что, ты уже «поучился»?

Плечи Маршала напряглись:

— Да... конечно.

Голос Цзюци стал еще мягче, с явными нотками иронии:

— Тогда, когда придет время, я обязательно проверю твои успехи.

— Проверишь? — воин почувствовал, как лицо снова начинает пылать. — И как именно?

Цзюци намеренно понизил голос до самого соблазнительного шепота:

— Разумеется, на практике. Своим собственным телом.

Грохот!

Снаружи ударил гром, и сердце Су Мина екнуло в такт. Он опустил голову и едва слышно, почти шепотом, ответил:

— Хорошо.

Только тогда Цзюци перевел взгляд на книгу. Увидев изменившееся название, он на секунду замер. Открыв титульный лист и прочитав послание Главного Бога, он задумчиво прищурился. Его тонкие белые пальцы перевернули страницу. Юноша умел читать невероятно быстро, схватывая суть, но сейчас, под взглядом Су Мина, он не спешил, смакуя каждое слово.

Тихий шелест страниц раздавался в тишине комнаты. Казалось бы, этот звук должен был затеряться в шуме ливня за окном, но мужчине он казался оглушительным. Громкие удары сердца отдавались в ушах при каждом перевороте листа.

Эта книга теперь была о них. Цзюци читал её так, словно смотрел на их отражение в зеркале — на тех «их», что вырвались из-под контроля и теперь разыгрывали спектакль перед своими прежними «владельцами». Это было странное чувство. Словно тысячи пушинок щекотали сердце, вызывая нестерпимый зуд.

Су Мин заговорил, запинаясь:

— Может... может, не стоит читать? Там дальше не очень интересно.

Цзюци не слушал, сосредоточенно изучая текст с видом самого серьезного ученого. Поняв, что спорить бесполезно, Маршал умолк. В комнате слышались лишь удары дождя, ровное дыхание двоих и шорох страниц каждые несколько секунд.

Увидев, что линия Наследного принца и синей морской русалки была окончательно стерта Богом Любви и Желания, Цзюци подумал:

«А этот Бог Любви и Желания — парень не промах».

«Из двенадцати Главных Богов он самый ленивый, — кивнула F001. — Если говорить

современным языком — типичный любитель пожить в свое удовольствие, не напрягаясь».

«Он силен?» — мысленно уточнил юноша.

Голос F001 был полным сомнения:

«Трудно сказать. Он скорее настолько странный, что ни у кого не возникает желания его убивать. Когда остальные боги напали на Бога Войны, Любовь и Желание просто заперся в своем дворце. Его боевая мощь почти нулевая, так что на него махнули рукой. Так он и выжил».

«А кто остальные четверо, с которыми мы еще не сталкивались?»

«Кроме этого бездельника, остались Боги Власти, Тьмы и Мудрости, — пояснила F001. — В первом мире, скорее всего, действовал Бог Власти — он всегда отличался жестокостью. Во втором была Богиня Мудрости, она обожает хвастаться своим умом и плести интриги».

«Значит, с Богом Тьмы мы еще не виделись».

При упоминании Бога Тьмы голос системы заметно дрогнул:

«Он — самый зловещий из всех. Он манипулирует темными сторонами душ. Его величайшая радость — стравливать людей, а затем наслаждаться их отчаянием и раскаянием над телами близких».

Сан Цзюци перевернул еще страницу и наткнулся на очередное «Главный Бог хочет сказать». Глядя на описание того, как Су Мин мучил шторы в кабинете, он весело вскинул брови. Оказывается, Любовь и Желание был прав: Маршал действительно играл с ним.

Юноша продолжил чтение. Перспектива в книге внезапно переключилась на него самого, и он увидел свои собственные пункты плана, переписанные Главным Богом без малейших изменений.

Он вспомнил лицо мужчины, когда тот только вышел из ванной — это выражение легкой опустошенности теперь стало вполне понятным. Цзюци тихо рассмеялся, прижав палец к строчкам в книге. Он даже не пытался скрыть иронии:

— Су Мин... Ты ведь не после того, как прочитал это, пошел в душ?

Брошенный на пол мундир, измятый и забытый, казалось, молча подтверждал нетерпение своего хозяина. Уши Маршала стали пунцовыми, но он не стал лгать:

— М-м...

— Хм.

Мужчина покраснел еще сильнее. Цзюци перелистнул дальше и увидел, что Главный Бог уже успел занести на страницы их недавнюю близость. Текст был плотным, насыщенным деталями, и даже знаки препинания в нем казались пропитанными страстью.

Юноша невольно восхитился.

«Надо признать, в каждом деле есть свои мастера. Этот Бог Любви и Желания — настоящий гений эротической прозы. Читать его — одно удовольствие».

F001 не нашла слов для ответа и предпочла промолчать.

«Я решил, — продолжал Цзюци. — Когда мы доберемся до Царства Богов, я конфискую всю его библиотеку. Она станет моей!»

«...» — система проигнорировала это заявление.

Юноша листал дальше, но текст обрывался на моменте, где они лежали в объятиях друг друга. Он спросил Маршала:

— Значит, теперь книга записывает события только после того, как они произошли?

Су Мин кивнул:

— Да. Но, — он замялся, чувствуя, как горят уши, — она добавляет к ним свои «догадки».

Цзюци притворился, что не понимает, о чем речь:

— Не заметил. По-моему, всё написано верно. Я действительно только и думаю, что о будущем своего народа.

«Хозяин... поимейте совесть!» — не выдержала F001.

Су Мин, вспоминая различия в описании их поступков, начал сомневаться в себе.

«Неужели я и впрямь такой притворщик? Неужели я выглядел так соблазнительно, когда расстегивал ремень? И шторы... Неужели это действительно мои тайные наклонности?»

«О боги. Кто я? Где я?»

Цзюци тем временем перешел к последним страницам — тем самым «подаркам» от Бога Любви и Желания. Видимо, Главный Бог, окончательно запутавшись в сюжете, решил просто плыть по течению. Он уже не пытался диктовать им волю, лишь копировал их действия, гадая, что будет дальше.

Юношу это забавляло. Этот Бог был на редкость сообразительным — не лез на рожон и вовремя отступал. F001 считала его слабым, но Цзюци видел в нем мудрость. У него была своя тактика выживания. Если бы он был глуп, то не уцелел бы в той великой войне, унесшей жизни восьми богов. Наверняка он предвидел кровавый финал и нарочно остался в стороне.

Взгляд русала внезапно замер на одном фрагменте, и глаза его азартно блеснули. Он принялся читать с удвоенным интересом, невольно облизывая губы, словно голодный хищник, который всё никак не может насытиться.

Су Мин, не отрываясь, следил за выражением его лица, и его тело тут же предательски отозвалось на этот вид. Прежде чем он успел хоть как-то это скрыть, Цзюци потянул его за халат и указал на абзац:

— А вот это интересно. Запомни это место, когда всё закончится — обязательно попробуем.

Мужчина бросил один лишь взгляд на страницу, и жар мгновенно разлился по всему его телу. Несмотря на внешнее смущение, разум его оказался на редкость послушным: он с первого раза и навсегда запечатлел в памяти и место, и каждое действие, описанное в «уроке».

<http://bllate.org/book/15826/1439827>